

Л.А.Косичев

История «кукурузного» танго

В очерке рассказывается об интересной истории классического аргентинского танго «Эль Чокло» и его творца Анхеля Вильольдо. Со времени создания в 1903 г. и до сих пор «Эль Чокло» сохраняет свою притягательность и остается одним из самых популярных танго в мире. Автор очерка приводит любопытные сведения о появлении мелодии Вильольдо в России и ее дальнейшей судьбе.

Ключевые слова: танго, «Эль Чокло», Вильольдо, «Кумпарсита», Пульезе, Иза Кремер, «Последнее танго».

В 2008 г. в журнале «Латинская Америка» был опубликован мой очерк «Судьба легендарного танго» — о великом творении уругвайского композитора Матоса Родригеса «Кумпарсита» («Карнавальная группа»)¹. Это музыкальное произведение уже давно покорило сердца людей, живущих на разных континентах. Оно считается самым известным в мире классическим танго, созданным на берегах Рио-де-ла-Платы, — колыбели этого танцевально-музыкального жанра. В самом Уругвае «Кумпарсита» официально провозглашена народным и культурным гимном страны. По своей популярности в мире рядом с «Кумпарситой» стоит другое классическое танго — «Эль Чокло» («Кукурузный початок»), созданное аргентинским композитором Анхелем Вильольдо. Оно стало визитной карточкой Аргентины и Буэнос-Айреса. У «Эль Чокло» также интересная история, и она заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее.

«АРХЕТИП АРГЕНТИНСКОГО ТАНГО»

Многие музыковеды занимались поисками самых первых танго, появившихся на берегах Ла-Платы. Это занятие оказалось не только увлекательным, но и непростым. Ведь у танго была своя большая и сложная история, прежде чем оно стало одним из самых прекрасных творений культуры соседних народов Аргентины и Уругвая. Определяющим периодом в становлении и распространении на берегах пограничной реки нового танцевально-музыкального жанра стали 1880—1890 гг. Для исследователей это

Леонард Анатольевич Косичев — журналист-международник, с 1987 по 2010 г. — руководитель вещания на испанском и португальском языках Московского радио, затем «Голоса России» (lkosichev@gmail.com).

«Отец» креольского танго Анхель Вильольдо

не столь уж отдаленные времена по историческим меркам. Тогда в чем же заключались сложности в поисках первых танго? Попытаемся понять причины.

Первое. К сожалению, от большинства ранних танго остались лишь названия, но не музыка. Их творцы были музыкантами-самоучками, почти не владевшими нотной грамотой. Они сочиняли и играли на слух, в основном на скрипках, флейтах, гитарах. По памяти исполняли свои мелодии и в одиночку, и объединяясь в маленькие уличные оркестрики. Выступали на танцплощадках, на карнавалах, во время народных гуляний в пригородах, в барах, тавернах, увеселительных заведениях портовой зоны и просто на улицах Буэнос-Айреса. Тогда танго еще было танцем городских окраин

и бедных кварталов, населенных иммигрантами из Европы и вчерашними гаучо из пампы. Музыканты-самоучки создали великое множество мелодий, но так как эти самобытные произведения не записывались нотами, лишь малой части из них суждено было дойти до нового времени.

Второе. Профессиональные композиторы и музыканты тоже увлеклись танцем, родившимся в городских «низах». Они внесли свою весомую лепту в окончательное формирование его музыки, подняли это народное творение до высокого уровня искусства. К 1910 г. танго становится уже жанром композиторского творчества. В отличие от самоучек профессионалы, естественно, с самого начала записывали свои композиции и публиковали их. Тем не менее и по напечатанным партитурам не всегда можно точно установить, когда появилось то или иное танго — в нотных изданиях той поры чаще всего не указывались даты выпуска.

Однако, по мнению многих исследователей, большинство мелодий, созданных до 1900 г., были лишь «предшественниками танго». Они еще не обладали ярко выраженными особенностями этого музыкального жанра, находившегося в процессе формирования. К первым настоящим образцам «креольское танго» относят два замечательных произведения известных композиторов своего времени: «Эль Энтрериано» Роландо Мендисабалы (1897) и «Дон Хуан» Эрнесто Понцио (1898). В последующих нотных изданиях Эрнесто Понцио даже назвал свое творение «первым аргентинским танго». Как бы то ни было, хронологический приоритет этих двух произведений зафиксирован письменно. Хотя эти композиции не получили большой известности за пределами Аргентины, они и сегодня не забыты на их родине. Однако есть одна мелодия, которая занимает особое место в начальной истории танго. Известный российский исследователь музыки Латинской Америки П.А.Пичугин написал об этом так: «Всего несколькими

годами позже «Дона Хуана» было создано произведение, ставшее архетипом аргентинского танго, его эталоном на многие годы; первым подлинным танго по стилистически законченным чертам жанра; первым, покорившим Париж и Европу и триумфально обошедшим весь мир; первым по продолжительности репертуарной жизни, поскольку оно и сегодня остается одним из самых часто исполняемых оркестрами в обоих полушариях танго. Это — «Эль Чокло» Анхеля Вильольдо. Оно по праву заслуживает почетный титул «первого аргентинского танго»².

В некоторых публикациях датой создания «Эль Чокло» называется 1905 г. На самом деле в этом году была издана его партитура. Большинство музыковедов сходятся на том, что «Эль Чокло» было сочинено в 1903 г., когда оно впервые было исполнено в фешенебельном ресторане Буэнос-Айреса «Эль Американо». Там по вечерам выступал со своим оркестром известный пианист Хосе Луис Ронкальо, друг А. Вильольдо. Но «Эль Чокло» не было объявлено как танго, оно было включено в программу оркестра под названием «креольский танец». Почему? По одной из версий, высокая категория ресторана не позволяла, чтобы в нем звучала музыка танца, который в высшем обществе продолжал считаться «непристойным». Другое объяснение сводится к следующему: в то время не только танго, но и другие местные композиции вписывались в программы выступлений оркестров как «креольский танец» или «креольская музыка».

Первое исполнение «Эль Чокло» было восторженно принято респектабельной публикой, посещавшей ресторан «Эль Американо», и с тех пор под его сводами по вечерам звучала эта мелодия. Оттуда она быстро распространилось по Буэнос-Айресу. Успех был оглушительный. «Эль Чокло» оказало огромное влияние на творцов традиционной музыки Ла-Платы. Композиция Вильольдо открыла горизонты для танго в нашем сегодняшнем представлении.

В то время была создана и пользовалась большой популярностью мелодия «Ла Мороча» («Брюнетка») уругвайского композитора и пианиста Энрике Саборида. Стихи для нее написал Вильольдо («Я та самая брюнетка из Аргентины»). «Ла Мороча» представлялась и воспринималась как первое танго, с которым в 1906 г. познакомились в Европе. Эта красивая мелодия получила признание в Старом Свете. Но, по мнению некоторых музыковедов, «Ла Мороча» еще не была полноценным танго.

Только с появлением «Эль Чокло» начинается новое время в музыкальной жизни на берегах Ла-Платы. «Отправной точкой и классическим образцом кре-

Обложка партитуры танго «Эль Чокло»

Один из уличных барельефов в Буэнос-Айресе с танго-сюжетом

ольского танго на его раннем этапе явилось «Эль Чокло»... Нужно сопоставить это танго со всеми ему предшествующими, чтобы оценить его революционное новаторство. После «Эль Чокло» сочинять танго, ориентируясь на прежние модели, было уже явным анахронизмом³. С тех пор эмоциональная напряженность и драматизм становятся сердцевиной музыки танго.

Успех «Эль Чокло» и других композиций Вильольдо в Аргентине открывают ему путь в Париж — тогда законодатель мод во всем. Фирма «Гат и Чавес», владелица крупного универсального магазина в Буэнос-Айресе, заключает контракт с музыкантом и отправляет его во Францию в компании с замечательными исполнителями супругами Альфредо Гобби и Флорой Рордригес. Там они должны были сделать звукозаписи танго и креольских сельских песен. Так в 1907 г. «Эль Чокло» вместе с его автором попадает в Париж (хотя не исключено, что партитура этого танго могла оказаться во французской столице раньше — вскоре после ее издания в Буэнос-Айресе). Мелодия Вильольдо произвела впечатление на взыскательную парижскую публику. Удача сопутствует и другим композициям аргентинского музыканта. Его принимают в Общество авторов и композиторов Франции.

Вильольдо возвратился на родину, а его замечательное творение продолжало покорять сердца людей в других странах. В Париж прибывают многочисленные аргентинские и уругвайские музыканты и танцовщики. А в Аргентине побывал известный французский хореограф Камиль де Риналь, чтобы познакомиться с особенностями исполнения необычного танца на его родине. И вот уже в Париже создаются школы танго. В Европе появляются свои замечательные исполнители — французы и итальянцы. Однако европейским хореографам, привыкшим к утонченным манерам, накал аргентинского танца «близких объятий» казался чрезмерно чувственным. В его первозданном виде этот танец явно не подходил для балов и салонов. В Париже, центре искусств и изящного вкуса, усовершенствовали «заморскую новинку». Собрав группу энтузиастов, Камиль де Риналь занялся перделкой хореографии аргентинского танго, приближая ее к европейской танцевальной школе. Танцу привили сдержанность, стилизовали его. Созданная во Франции модель танго была яркой и красивой. Только было одно «но»: из аргентинского танца исчезла его характерная черта — импровизация, а ведь именно в ней проявлялась креольская душа со шквалом эмоций в движениях.

В «облагороженном» в Париже виде танец широко распространился по Старому Свету перед Первой мировой войной и вновь пересек океан —

только теперь уже в обратном направлении. Танго в «парижском смокинге» принимают в аристократических салонах Буэнос-Айреса. Но в кафе, барах, ночных клубах, на праздничных гуляньях обычные портеньос продолжали танцевать прежнее креольское танго. Любопытно, что в США танец попадает не из Аргентины, а из Парижа. Это было время настоящей тангомании в Европе — моды на танец, который вскружил головы всем. Мелодии танго звучали на дансингах, фешенебельных курортах, в ресторанах, салонах и концертных залах, а популярность «Эль Чокло» была столь велика, что невольно приводила к забавным курьезам. Об одном из них, случившемся уже в разгар Первой мировой войны, рассказал аргентинский журналист Тито Ливио. Он был военным корреспондентом на германском фронте. Однажды на официальном приеме для иностранных журналистов исполнялись национальные гимны в честь их стран. Когда очередь дошла до представления Тито Ливио, он был повергнут в изумление, услышав...танго «Эль Чокло». Ну, если мелодия и не была национальным гимном далекой латиноамериканской страны, то она, действительно, стала музыкальным символом Аргентины и остается таковым до сих пор.

Знаменитое аргентинское танго

СУДЬБА ТВОРЦА

Прежде чем к Вильольдо пришла известность, его судьба складывалась не просто. В молодости он прошел тяжелую школу жизни. Чем только ему не приходилось заниматься! Он работал и погонщиком скота, и наборщиком в типографии, и клоуном в цирке, и репортером, и верховым на пристяжных лошадях, обслуживавших новый для Буэнос-Айреса вид транспорта — городскую конку. Однако ничто не могло заглушить в нем тягу к музыке. Еще в детстве Вильольдо научился играть на гитаре, и она стала его верным спутником на всю жизнь. Начиная как самоучка, был уличным певцом и музыкантом, выступал со своими танго и милонгами в местах народных гуляний («*comerías*») и на карнавалах. Потом прошел курс обучения у итальянского композитора и педагога Эрманно Андольфи. Вильольдо посвятил своему учителю композицию «Эль Портеньито» уже как «танго для пианино». На обложке партитуры, изданной в Буэнос-Айресе, было написано: «Моему другу маэстро Эрманно Андольфи». «Эль

Великий певец танго Карлос Гардель

Портеньито» принесло первый большой успех автору, и он продолжил создавать новые композиции для пианино.

Когда после признания в Париже танго приняли, наконец, в высшем обществе Буэнос-Айреса, Вильольдо стали приглашать в престижные салоны. Там он исполнял свои музыкальные произведения, читал собственные стихотворные миниатюры, соответствовавшие высокому уровню этих заведений для избранных. Однако одновременно он продолжал выступать в портовых тавернах и дешевых городских барах, где по-прежнему позволял себе на потребу тамошней публике петь песни или декламировать стихи с грубым и да-

же неприличным содержанием. Но это была для него частица привычной атмосферы, в которой когда-то зарождалось танго.

Многогранной оказалась художественная одаренность Вильольдо. Талантливый самородок из народа, начинавший с гитары и губной гармонички, превосходно играл на пианино, скрипке, аккордеоне, пел, танцевал. Также сочинял тексты либретто, стихи для песен и танго по заказу лучших певцов тех лет. Со временем этот обаятельный, остроумный человек с густыми черными усами стал заметной фигурой в артистической среде Буэнос-Айреса. Но настоящая слава пришла к нему уже в зрелом возрасте, когда ему перевалило за сорок.

Вильольдо отдавал предпочтение инструментальным танго. У них всегда были яркая, незабываемая мелодика и ритм. В ресторанах и кафе публика иногда вторила в такт музыкантам. Однажды это привело к неожиданным последствиям. В столичном ресторане «Ла Тарана» оркестр исполнял знаменитое танго Вильольдо «Эль Эскинасо». По замыслу автора время от времени оркестранты пальцами выстукивали мелодию по корпусу своих инструментов. Исполнение было столь захватывающим, что посетители ресторана следовали примеру музыкантов и в такт с ними стучали рюмками, кофейными чашками, ложечками и ножами по столу и тарелкам. Невообразимый шум и битая посуда стали бедствием для заведения, и однажды его владелец вынужден был вывесить у входа в ресторан необычное объявление: «Категорически запрещено исполнять танго «Эль Эскинасо». Прошу понимания». История, случившаяся с этим танго Вильольдо, быстро облетела Буэнос-Айрес и еще больше подогрела интерес к нему. Портеньос искали другие заведения, где можно было бы послушать «Эль Эскинасо».

Еще одно танго Вильольдо, вокруг которого возник настоящий ажиотаж, называлось курьезно — «Берегись! 50 песо!». К сочиненной им музыке автор присовокупил острые иронические стихи по поводу весьма неординарного распоряжения шефа полиции Буэнос-Айреса, подобного которому трудно было вообразить: за попытки мужчин завести на улице «лю-

безный разговор» с незнакомой дамой устанавливался штраф в 50 песо. Как было не посмеяться вместе с Вильольдо над блюстителем нравственности, написавшим столь экстравагантный документ!

Я же на красотку, если и взгляну,
Молча только глазом ей я подмигну.
Дорого обходится нынче комплимент:
За одно словечко — пятьдесят песет.

Перевод П. Пичугина

В милонге «Искусство жить» Вильольдо едко говорит о нравах своего времени, которые оказались живучи до сегодняшнего дня — и не только в Аргентине.

Плутовство и шарлатанство
Всеми правят без стыда.
И от этого сегодня
Наша жизнь — одна беда.
Из фасоли гонят кофе,
Из травы готовят чай,
А ликер — протянешь ноги,
Если выпьешь невзначай.
В шоколад кладут арахис,
Сыплют порошки в вино.
Что лекарство из аптеки,
Что отравы — все равно.

Перевод П. Пичугина

Вильольдо в своем песенном творчестве, журналистских материалах и в жанрово-бытовых зарисовках в форме стихотворных диалогов для сцены фиксировал реальные события, и потому его причисляют к летописцам быта старого Буэнос-Айреса. Но главное место Вильольдо в культуре Аргентины определяется тем, что его называют «отцом креольского танго».

В самом деле, роль Вильольдо в формировании оригинального музыкального жанра жителей побережья Рио-де-ла-Платы велика. Жанра, который стал национальным культурным достоянием аргентинцев и уругвайцев. По словам уругвайского композитора Хауреса Ламарке Понса, «нашу манеру самовыражения мы называем танго»⁴. Потому у местных жителей столь трепетное отношение к своим любимым музыке и танцу. Они гордятся тем, что танго получило мировое признание. Но вместе с тем, как писал Даниэль Видарт еще в 1967 г. в своей книге «Мир танго» («El mundo del tango»), «житель побережья Ла-Платы негодует, когда в нью-йоркских или парижских салонах «Эль Чокло» исполняют на иностранный лад, деформируют...»⁵. Автор называет такое танго «agringado». Действительно, дальнейшая «интернационализация» танго, т.е. его широкое распространение по свету, привело к тому, что «в танце стало больше эстетики, чем экспрессии». Сегодня в мире существует много разновидностей танго, которые сильно отличаются от своего аргентинского прародителя. Изменилось танго и в самой Аргентине, здесь сформировались его различные школы и

Знаменитый композитор танго Освальдо Пульезе

стили. Они обычно широко представлены на фестивалях в Буэнос-Айресе. Портеньос отдают должное новаторскому обновлению своего любимого музыкального жанра, но также остаются приверженцами традиционного аргентинского танго, которое продолжают танцевать и поныне.

Мне довелось бывать в Аргентине еще при жизни композитора Освальдо Пульезе. Он руководил одним из самых прославленных национальных оркестров танго. Свою первую композицию, принесшую ему известность, сочинил в 18 лет. Это было знаменитое танго «Воспоминание», которое стало классическим. Именно О.Пульезе вводил ме-

ня в мир танго. В популярном ночном клубе Буэнос-Айреса «Микеланджело» я слушал, как музыкальный коллектив под руководством Пульезе исполнял лаплатские мелодии. Среди них была и композиция «Эль Чокло». За пианино был сам «маг музыки танго» — так называли маэстро. Мне казалось, что только здесь, на берегах Ла-Платы, «Эль Чокло» исполняют с такой эмоциональной пронзительностью и чистотой. Потом я не раз беседовал с Пульезе и, когда речь зашла об «Эль Чокло», он сказал: «Это одна из знаковых композиций в музыке танго».

«Знаковая композиция» стала одним из самых известных танго всех времен. Его можно считать вершиной в творчестве Вильольдо. И хотя он создал немало других замечательных произведений, ни одно из них не могло сравниться по своей популярности с «Эль Чокло». В 1917 г. одно из последних творений Вильольдо «Вечная песнь» («Cantar Eterno») будущий «король аргентинского танго» Карлос Гардель избирает для своей первой пластинки, которую записывает вместе с Хосе Раццано. «В этом было нечто символическое — связь времен: уходящего времени Вильольдо и наступающего — времени Карлоса Гарделя и танго-романса. Анхель Грегорио Вильольдо выполнил свою миссию — миссию зачинателя и завершителя цикла. С его смертью (он умер от рака в 1919 г.) закрылась последняя страница целой эпохи в истории танго, навсегда обязанного Вильольдо тем, чем оно стало и что оно есть»⁶.

О творчестве Вильольдо, о его месте в истории аргентинского танго написано много. Но куда меньше известно о его личной жизни. Он родился и вырос в Буэнос-Айресе. Но первоначально в разных источниках даже была путаница с датой рождения музыканта. Позже в архиве Общества авторов и композиторов Франции нашлись точные данные, которые сообщил сам Вильольдо, когда его принимали в этот творческий союз. Автор «Эль Чокло» родился 16 февраля 1861 г.

Любопытные сведения из личной жизни Вильольдо приводит аргентинский исследователь танго Густаво Варела: «Вильольдо влюбился в одну женщину на всю жизнь. Но однажды она из-за болезни потеряла память. Память постепенно

восстановилась почти полностью. Но она не могла вспомнить одного: кто был этот мужчина с темными усами и нежным взглядом, который все дни в ее доме говорил ей о любви. Сам Вильольдо испытывал такие страдания, что пришел день, когда он умер от горя из-за той женщины. Но, несмотря на свою боль и любовь, он не посвятил ей ни одного танго»⁷.

Как не раз случалось с талантливыми творцами, Вильольдо умирал в бедности. В последующие годы он смог бы получать неплохие гонорары только от издания пластинок с танго «Эль Чокло», которые будут выходить большими тиражами как в Аргентине, так и в других странах. К сожалению, он не дожил до этого времени, уйдя из жизни в возрасте 58 лет (14 октября 1919 г.). Буквально через несколько дней после смерти на его имя пришел чек из Парижа — гонорар за издание нот и исполнение его композиций во Франции. Но было уже поздно. Оказавшийся в тяжелых условиях, покинул этот мир большой музыкант, украшавший жизнь людей своими замечательными творениями. Памятником ему осталось танго «Эль Чокло», которое до сих пор не утратило своего очарования.

СТИХИ ДЛЯ ТАНГО

В одном уважаемом московском журнале было написано, что «Эль Чокло» не имело слов до 1947 г., т.е. на протяжении 44 лет после его создания. Это не так. Ошибочное утверждение объясняется, видимо, широким распространением в тот период знаменитого танго за рубежом в инструментальном исполнении. Но на его родине — в Аргентине — было несколько вариантов слов. Два из них принадлежали самому автору музыки «Эль Чокло». По воспоминаниям некоторых современников, Вильольдо очень любил вареные початки и разные блюда с кукурузой, потому так и назвал свое знаменитое танго («Эль Чокло» в переводе означает «Кукурузный початок»). Первый сочиненный им текст автор напевал под аккомпанемент своей гитары:

Из зернышка вырастает золотой початок...
Я, бывалый «тангеро», обожаю его вкус.

Однако сам Вильольдо не придавал значения написанному им просто-душному тексту и не включил его вместе с нотами в изданную партитуру танго «Эль Чокло». Другой текст Вильольдо сочинил для исполнения супругами Гобби, вместе с которыми он выступал в Париже в 1907 г. В нем слово «кукуруза» уже не упоминалось. На этот раз стихи для своего танго он назвал «Чистая любовь» («Caféño puro»):

Как много должен я сказать, тебе, любимая...
Клянусь, что это будет только правда.

Однако у танго, ставшего популярным в инструментальном исполнении, оставалось первоначальное название — «Эль Чокло». Оно и закрепилось за этой мелодией. Уже после смерти Вильольдо певец и композитор Марамбио Катан пишет еще один вариант стихов для «Эль Чокло». Их герой (братишка «компадрито») под звуки танго погружается в воспоминания:

Э.С.Диссеполо, автор канонического текста «Эль Чокло»

Друзья меня
«Эль Чокло» называли.
Я первым в драках был
и заварушках...

Этот текст интересен тем, что подтверждает еще одну версию происхождения названия «кукурузного танго». Сестра Вильольдо Иренэ однажды рассказала Марамбио Катану, что ее брат был знаком с грозным криминальным авторитетом по кличке «Эль Чокло». Свое прозвище этот «герой» местных легенд получил за светлый цвет волос. «Эль Чокло» обла-

гал данью хозяев сомнительных заведений в окраинных районах Буэнос-Айреса. Но он был поклонником танго и обожал Вильольдо как музыканта и артиста. В честь него танго и получило такое необычное название. Но Иренэ не рассказала, почему Вильольдо сделал это.

В 1947 г. появился еще один текст «Эль Чокло», которому суждено было затмить все прежние. Его автором был замечательный композитор и поэт танго Энрике Сантос Диссеполо. Он написал новый текст «Эль Чокло» специально для фильма Луиса Бунюэля «Большое казино». Диссеполо сделал это по просьбе известной аргентинской актрисы и певицы Либертад Ламарке, которую за ее большую популярность называли «Невестой Америки» («La Novia de América»). Дело в том, что все прежние варианты слов на эту мелодию, включенную в сценарий, не устраивали режиссера. Новый текст пришелся всем по душе. Благодаря фильму танго обошло полсвета. В газетах писали о «новом рождении» «Эль Чокло». Этот же текст на испанском языке, исполненный с американским акцентом талантливым негритянским певцом Натом Кингом Коулом, продолжил шествие по миру. С тех пор и по сей день «Эль Чокло» в Аргентине и других испаноязычных странах поется на слова Диссеполо. Этот вариант включал в свой репертуар и Хулио Иглесиас. Но в мире все-таки большее распространение получило не вокальное, а инструментальное исполнение «Эль Чокло».

По прошествии 44 лет после создания музыки «Эль Чокло» Диссеполо в своем тексте стремился увековечить приметы того ушедшего времени, выразить сущность танго. Она раскрывается как часть образа жизни и мироощущения обитателей побережья Рио-де-ла-Платы. Содержание, стиль и образный строй стихов многих классических танго трудно передать на другом языке. Как сказал один из переводчиков, это «сизифов труд». Эти стихи обладают неповторимым местным колоритом, насыщены неизвестными в остальных испаноязычных странах и понятными только на берегах Ла-Платы словами из жаргона, называемого «лунфардо». Этот жаргон сфор-

мировался среди обитателей городского «дна» Буэнос-Айреса и блатного мира. Именно в этой среде прошли «детство» и часть «юности» танго, что наложило на него определенный отпечаток. В тексте, сочиненном Диссеполо, тоже вкраплены слова из лексики «лунфардо», в нем все дышит лаплатской самобытностью. Перевести это стихотворение так, чтобы максимально приблизиться к оригиналу, к отражению его духа, очень сложно.

Певица Либертад Ламарке, «Невеста Америки»

Вот в этом танго, хвастуне и зубоскале, —
Тщеславных пара крыльев из моих окраин.
Возникло «танго» с ним и с воплем покидало
Болото мерзкое, чтоб ввысь взметнуться, к раю...

Заклятьем странным о любви и с ритмом чётким
Пути открыло, где нет прав, надежда только,
Смесь гнева, боли, веры и разлуки горькой,
В игривом темпе скором, в наивности, в слезах.

Как вещий знак, на дивный твой феномен
Явились без раздумья потаскухи и матроны;
Лик лунный в лужах, с «канженге»* в бёдрах томных —
Жар дикой страсти... любить здесь могут так ...

Фрагмент из перевода М. Макаровой

В США переводу стиха Диссеполо на английский язык предпочли создание совершенно нового текста. В 1952 г. Лестер Аллен и Роберт Хилл по-своему адаптировали мелодию «Эль Чокло», сочинив для нее слова под названием «Kiss of Fire» («Огненный поцелуй»).

Лишь губ твоих коснусь, и сразу с них слетают искры.
Мне эти губы артистично лгут — их выдумал нечистый.
Они огонь во мне зажгли — подвох я чую,
Я весь во власти твоих губ и поцелуев.

Перевод А.Булышко

* Канженге (Canyengue) — старый стиль аргентинского танго.

Автор слов и исполнитель «Последнего танго» Иза Кремер

«Kiss of Fire» вошел в число американских хитов. Но на изданной партитуре было указано, что это адаптация композиции Вильольдо. Такая же надпись содержалась и на пластинке с записью «Огненного поцелуя» в прекрасном исполнении Луи Армстронга. Благодаря великому американскому музыканту и другим певцам «новинка» обрела большую популярность и за пределами США, ее стихи переводили на другие языки. Однако «Огненный поцелуй» не затмил свою оригинальную основу — танго «Эль Чокло» по-прежнему осталось одним из самых распространенных в мире музыкальных произведений.

«ЭЛЬ ЧОКЛО» И ЕГО ВАРИАЦИИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Как и в других европейских странах, в России познакомились с танго перед Первой мировой войной. Оно заполнило салоны Санкт-Петербурга. По популярности пальма первенства принадлежала «Эль Чокло». Эта композиция попала в Россию на граммофонной пластинке, записанной в Париже в 1911 г. Владимир Маяковский весьма оригинальным способом отреагировал на популярность «Эль Чокло». Поэт ввел его в свою поэму «Война и мир» (1915—1916). Но как! В начало своего творения Маяковский в духе своих футуристических исканий той поры вставил в стихотворную строфу нотные строки из партитуры «Эль Чокло». Литературовед Роман Тименчик назвал это «инаугурацией» танго Вильольдо в русской поэзии. Вслед за Маяковским эта тема появится в ранних стихах Александра Введенского и Ильи Сельвинского.

В те годы вошло в употребление слово «тангировать», т.е. танцевать танго. В 1974 г. популярный звуковой журнал «Кругозор» сообщал, что в архиве Маяковского были обнаружены приписываемые ему любопытные строки о повальном увлечении новым танцем: «Тангировали все: в темных коридорах, в отсутствие родителей, тангировали гимназисты, тангировали почтенные отцы... Танго, танго и танго! Не верилось, что от танго куда-нибудь уйдешь...»⁸. В России танец часто сопровождался особым «ресторанным шиком» — танцуя, мужчина одной рукой поддерживал даму, а в другой держал бокал с шампанским.

От того времени сохранился популярный тогда романс «Последнее танго», сочиненный на мотив мелодии Вильольдо (другое название «Танго смерти»). Автором русского текста и исполнителем была знаменитая примадонна одесской эстрады Иза (Изабелла) Кремер.

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине.
Где женщины, как на картине,
Там Джо влюбился в Кло...

Любовь двух танцоров танго закончилась трагически. Кло сбежала в Париж с богатым английским сэром и продолжала танцевать «в ночных шикарных ресторанах», пока там не появился ее бывший партнер из Аргентины. Он приглашает бросившую его возлюбленную на танго.

Трепещет Кло и плачет
вместе с скрипкой...
В тревоге замер шумный зал.
И вот конец...
Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал...

Но однажды певица навсегда исключила «Последнее танго» из своего репертуара. Это произошло после одного трагического случая в Киеве. Тогда не знакомый ей молодой офицер, вернувшись домой после ее концерта, покончил жизнь самоубийством. Рядом с телом несчастного нашли записку со словами «Последнего танго». Романс на стихи И.Кремер продолжали петь другие артисты (позже его включал в свой репертуар блистательный тенор Вадим Козин).

Этот романс на музыку Вильольдо остался в России популярным, несмотря на грянувшее революционное время. В 1918 г. сюжет, сочиненный Кремер, раскручивается в одноименном фильме с участием звезды немого кино Веры Холодной. Киносеансы фильма «Последнего танго» сопровождались живым исполнением романса. Позже текст Кремер переделывали по своему вкусу неизвестные авторы. Один из новых вариантов начинался так:

В далекой солнечной и знойной Аргентине,
Где солнце южное сверкает, как опал,
Где в людях страсть пылает, как огонь в камине,
Ты никогда еще в тех странах не бывал.

Афиша концерта Изы Кремер в Одессе

Однако Кремер едва ли знала об измененных текстах своего романса, так как в 1919 г. она эмигрировала из России. После недолгого пребывания в Константинополе она обосновывается во Франции. Ей не пришлось бедствовать, как многим русским эмигрантам. Красивый голос, хорошая вокальная школа и яркое артистическое дарование открыли для нее сцены крупных концертных залов Старого и Нового Света. В середине 20-х годов Иза Кремер поселяется в США и становится звездой бродвейских мюзиклов. Она напела на пластинки русские и еврейские песни, которые исполняла во время гастролей по другим странам. Певица снималась и в кино.

В декабре 1943 г. уже не молодая, но известная в мире Кремер пела в Тегеране перед руководителями СССР, США и Англии, прибывшими в иранскую столицу для обсуждения хода Второй мировой войны и судеб мира. Она была приглашена Черчиллем, чей день рождения совпал с Тегеранской конференцией. Кремер выступала в том концерте перед Черчиллем, Сталиным и Рузвельтом вместе с легендарными исполнителями тех лет Марлен Дитрих, Морисом Шевалье и Вадимом Козиным. Иза проникновенно пела о далекой родине, и ее пение выдавало чувства, которые терзали душу артистки-эмигрантки из России:

Ни пути, ни следа по равнинам,
По равнинам безбрежных снегов,
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов...

Последние годы жизни певица провела на родине своего второго мужа — в той самой Аргентине, где завязывался сюжет ее знаменитого в свое время романса. У Изы, казалось, было все — деньги, слава... Не хватало только душевного покоя — тоска по родной земле не угасала. Она начинает активно сотрудничать с Обществом аргентинско-советской дружбы и готовится к поездке в СССР. Однако певице не суждено было «добраться к родимым святыням». В июле 1956 г., когда Иза собралась в далекое путешествие, ее сердце остановилось.

С легкой руки Кремер в советское время неизвестные авторы продолжали создавать свои песенки на мелодию «Эль Чокло», часто упрощая ее при исполнении. Только сюжеты раскручивались уже не в заморских экзотических странах, а в родных краях. Так, в весьма забавной «Истории каховского раввина» ее безымянный творец в первых же строчках заявляет о своем «патриотизме»:

Зачем, скажите, вам чужая Аргентина?
Вот вам история каховского раввина,
Что жил в уютной, скромной обстановке
В уездном тихом городе Каховке.
Была у нашего раввина дочка Энта,
Такая гибкая, как шелковая лента,
Такая свежая, как чистая посуда,
Такая мудрая, как целый том Талмуда.

Но революция дошла и до Каховки,
Переворот свершился в энтиной головке:
Приехал новый председатель Губпромтреста
И под собою не находит Энта места.

История каховского раввина завершается тем, что его дочь сбежала из отчего дома с «новым председателем Губпромтреста», после чего почтенный родитель «укадил в Одессу».

Там сбрил он бороду
И стал одесским франтом,
Интересуется валютой и брильянтом,
Уже не ходит по субботам в синагогу —
Танцует только аргентинское танго.

В Одессе развиваются события и другой, пожалуй, самой известной песни на мотив танго «Эль Чокло» — «На Дерибасовской открылась пивная». Говорят, в домашней обстановке ее любил напевать Леонид Утесов. Мне, как и многим, она памятна по весьма колоритному исполнению Аркадия Северного. У этой блатной песни около десятка текстов с незначительными расхождениями, но неизменно с пикантными одесскими «словечками» и речевыми оборотами.

На Дерибасовской открылась пивная,
Там собиралась компания блатная,
Там были девочки Маруся, Вера, Рая
И с ними Костя, Костя-шмаровоз...
И вот вошла в пивную Роза- молдаванка,
Она была собой прелестна, как вакханка...

С этого момента события в пивной принимают иной оборот. Каждый хотел станцевать танго с красоткой Розой. Из-за нее «началась катавасия такая, передралась вся компания блатная».

На Аргентину это было не похоже,
Когда прохожему заехали по роже,
А из пивной нас выбросили разом —
Приятель с шишкою, я с синяком под глазом.

Судя по полному тексту песни, таинственный автор обладал поэтическими способностями, владел легким юмором и язвительной иронией. Но то ли в насмешку, то ли всерьез он упоминает далекую и экзотическую для него Аргентину как страну, в которой не может происходить что-то похожее на «события», разыгравшиеся в пивной на Дерибасовской. А ведь танго в Аргентине на заре своего существования процветало в портовых притонах, низкопробных барах и увеселительных заведениях, где ссоры и потасовки были обычным делом и часто приводили к «креольской дуэли» — поединку на ножах. Как считает П.А.Пичугин, «креольская дуэль — то же танго, его обычное и естественное продолжение»⁹.

«На Дерибасовской открылась пивная» стало одним из образчиков одесского блатного фольклора. Но, оказывается, первоначальная версия этой песни на мотив аргентинского танго появилась в Ростове среди местных уркаганов, предположительно в конце 20-х—начале 30-х годов прошлого века. Ее ростовские истоки подтверждает писатель Андрей Синявский (псевдоним Абрам Терц) в своем очерке «Отечество. Блатная песня»¹⁰. Точно неизвестно, когда ростовский вариант был перекроен и изменен на одесский лад, обретя антураж и колорит славного черноморского города. Пронизанная своеобразным одесским шармом, песня вышла за пределы блатной среды и распространилась по стране, хотя в советское время не имела доступа на официальную эстраду и радио. Но «На Дерибасовской открылась пивная» исполнялась в ресторанах и ее переписывали на магнитофонные кассеты. Это уже в последующие годы песню стали включать в свой репертуар известные певцы и музыкальные группы. Иногда она представлялась как «одесская народная» или «народная». Едва ли об этой удивительной метаморфозе известно на родине автора мелодии — в Аргентине.

Мелодия Вильольдо почему-то оказалась очень притягательной для одесситов. Уже в более позднее советское время кто-то из местных бардов создал на ее мотив еще одну песню — «Ромео и Джульетта». В ней пародируется сюжет великого шекспировского произведения, при этом безымянный автор прибегает к издевательским аллюзиям на негативные явления социалистической действительности:

Для развлечения современной молодежи
Я спеть куплеты вам сейчас готовлюсь тоже.
И познакомлю вас в куплетах, скажем прямо,
С бессмертным творчеством Шекспира Уильяма...
Тогда не знали, что такое литеркомы,
Союз писателей, доклады и месткомы,
Тогда не знали, что такое «лакировка»,
Но сочиняли, между прочим, очень ловко.

Переполненное иронией творение автор завершает словами:

Но я надеюсь, что не встречу отклик резкий —
Что перевел для вас Шекспира на одесский!

Песни на музыку «Эль Чокло» сочинялись не только в советском прошлом. Они появлялись и в современной России, но уже не с таким «специфическим» содержанием. Так, в репертуаре Натальи Дудкиной есть «Новорусское танго», слова которого написаны на мелодию Вильольдо.

Хоть запоздалые свидания осенние
Еще тревожат, но к чему теперь скрывать:
Уже любовь твоя мне больше не спасение,
Все так закручено, что круг не разорвать...

... Аргентинского танго «Эль Чокло» оставило свой след в произведениях наших писателей. Его русская версия в виде романса И.Кремер упоминается в «веселом московском рассказе» Михаила Булгакова «Чаша жизни» (1922). Не прошли мимо этого музыкального произведения Илья Ильф и Евгений Петров в своем сатирическом романе «Золотой теленок» (1931). Их главный герой, «великий комбинатор» Остап Бендер на радостях пританцовывал танго, напевая: «Под знойным небом Аргентины». Под мелодию этого же романса «тангирует» с крымской танцовщицей и центральный персонаж романа Владимира Набокова «Ада, или Радости страсти» (1969). Когда я писал этот очерк, я читал роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», отмеченный в 2011 г. премией «Русский Букер десятилетия». В книге рассказывается о том, как были вынуждены жить и выживать советские ссыльные поселенцы в небольшом городке на границе Сибири и Северного Казахстана. Среди них — ученые, выходцы из духовенства, инженеры, представители искусства и даже один бывший дипломат, который в этой глуши — подумать только! — вспоминает мелодию «Эль Чокло». Наши кинематографисты тоже вводили в свои картины знаменитое аргентинское танго как приметку воспроизводимого ими времени. Под мелодию «Эль Чокло» в инструментальном исполнении, звучащую из патефона, танцуют в фильме «Свадьба в Малиновке». В киноленте «Тихий Дон» танго Вильольдо исполняет оркестр с солирующим скрипачом.

Вот уже второе столетие танго «Эль Чокло» счастливо живет и здравствует в литературе и кинематографе, на эстраде, в салонах и танцевальных залах, в репертуарах оркестров, певцов и танцоров, в радиоэфире, на фестивалях как в нашей стране, так и за рубежом. Как и все высокоталантливое, творение аргентинского композитора оказалось неподвластно времени и его переменчивым вкусам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латинская Америка, 2008, № 3, с. 74—85.

² П.А.Пичугин. Аргентинское танго. М., 2010, с. 74.

³ Там же, с. 104.

⁴ J.L. a m a r q u e P o n s. El tango nuestro de cada día. Montevideo, 1999, p. 34.

⁵ D.Vi d a r t . El tango y su mundo. Montevideo, 1967, p. 9.

⁶ П.А.Пичугин. Указ. соч., с. 111.

⁷ http://www.elortiba.org/pdf/Varela_Tango_y_sexualidad.pdf

⁸ Кругозор. М., 1974, № 10.

⁹ П.А.Пичугин. Указ. соч., с. 124.

¹⁰ А.Терц. Отечество. Блатная песня. Нева, 1991, № 4, с. 161—174.